

М. Л. Бутовская, В. В. Дорфман

**ВОЗРАСТНЫЕ И ГЕНДЕРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ
В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ О СМЕШНОМ
И ГРУСТНОМ У ДЕТЕЙ
(ПО МАТЕРИАЛАМ РИСУНОЧНЫХ ТЕСТОВ)***

Введение

Этой статьей мы продолжаем серию работ, посвященных универсальным истокам смеха и юмора у человека, начатую на страницах “Этнографического обозрения” в 1996 г. работами А.Г. Козинцева и М.Л. Бутовской и продолженную на симпозиуме “Смех: истоки и функции в традиционных обществах”, организованном теми же авторами в 1999 г.¹ В этот раз речь пойдет о некоторых общих возрастных и гендерных различиях в восприятии и отношении к смешному и грустному на примере современных российских школьников в возрасте от 8 до 12 лет.

Смех и юмор играют важную роль в социальной адаптации человека и его успешном существовании в рамках любого коллектива². Смех возникает в онтогенезе человека не сразу. Психологи отмечают, что дети начинают смеяться сперва в ответ на тактильные стимулы (щекотку) примерно в 6,5 мес., а затем на слуховые – в 7 мес. К 8 мес. ребенок смеется в ответ на общие социальные стимулы, а в 10,5 мес. на зрительные³. Таким образом, имеется прямая связь между уровнем когнитивного развития и смеховой реакцией уже в первый год жизни. С этого времени смех начинает постоянно использоваться ребенком в социальном контексте и по мере роста малыша становится важным элементом невербальной коммуникации. Люди смеются во всех без исключения человеческих культурах, что позволяет считать смех человеческой универсалией⁴. Адекватному использованию смеха ребенок обучается с раннего детства. Однако представление о смешном сильно варьирует от культуры к культуре и, по всей видимости, существенным образом зависит от пола ребенка⁵. Культура, помимо всего прочего, регламентирует и ситуации, в которых человеку дозволено смеяться⁶.

Традиционно исследованиями смеха и юмора занимались философы, этнографы, культурологи, филологи, литературоведы (среди наиболее известных специалистов по данной теме – Аристотель, Дж. Фрэйзер, А. Бергсон, М.М. Бахтин, В.Я. Пропп)⁷.

Начиная с 1970-х годов улыбка и смех стали излюбленным объектом этологов. Я. Ван Хоф проследил эволюцию улыбки и смеха и показал наличие биологических корней этого поведения в отряде приматов⁸. Эволюции смеха и обсуждению адаптивной значимости юмора посвящены более современные работы Г. Вейсфельда⁹, А.Г. Козинцева и М.Л. Бутовской¹⁰. В ряде этологических работ анализировался гендерный аспект смеха и юмора¹¹.

Улыбка и смех – универсальные человеческие эмоции¹². Они проявляются на определенном этапе развития ребенка: на втором–третьем месяце он начинает улыбаться произвольно. Исследования показали, что наиболее универсальным стимулом для улыбки младенца первых месяцев жизни можно считать вид человеческого лица. «...Первая улыбка новорожденного еще не наполнена тем “смыслом”, который несет в себе социальная улыбка. Мимические движения новорожденного, напоминающие улыбку, возникают спонтанно, они связаны с внутренним состоянием ребенка, в то время как социальная улыбка, как правило, вызвана присутствием другого человека»¹³. Необходимо сделать акцент на социальном характере улыбки:

* Статья написана при поддержке Фонда содействия отечественной науке, программа “Выдающиеся ученые, молодые доктора и кандидаты”.

будучи врожденным выражением, заранее запрограммированным у человеческого младенца, она становится главным фактором обеспечения прочного эмоционального контакта с матерью, началом всех социальных взаимодействий с другими людьми.

Смех, в отличие от первоначальной улыбки, исходно не является выражением чистой радости. Формируясь позже улыбки и проходя в своем развитии несколько стадий, смех, как и улыбка, играет важную роль в формировании межличностных отношений. Поэтому адекватное применение смеха в социальном контексте – это один из способов достижения социального успеха в коллективе сверстников (у подростков это просматривается особенно четко)¹⁴. Смех облегчает социализацию ребенка, способствует познавательной активности, усвоению новых форм деятельности, росту социальной компетентности.

Рассматривая смешное не только как производное, но и как стимулирующее начало в развитии интеллекта, можно заметить эвристическую роль знаковой трактовки смешного для углубления представлений о предметно-коммуникативных контактах ребенка и взрослого. Содержание детских шуток отражает стадии эмоционального развития. Примерно в возрасте 3 лет, в период формирования гендерной идентичности¹⁵, дети часто затевают игру с изменением пола (например, намеренно называют девочку мальчиком). В возрасте примерно 4 лет дети переходят к так называемым туалетным шуткам. Детский юмор на этих стадиях развития предполагает “эмоциональное овладение” ситуацией, способность взглянуть “со стороны” на происходящее¹⁶. По мнению П. МакГи, юмор представляет собой “когнитивный опыт”¹⁷. Он подразумевает обобщение ребенком накопленных к этому времени знаний об окружающем мире, правил социального общения, семантической структуры родного языка и отражает развитие более сложных механизмов мышления.

Смех и юмор – постоянные спутники нашей жизни. Но задумывались ли вы, отчего люди смеются? Ответ на этот, казалось бы, банальный вопрос не столь уж прост. В работах Провайна убедительно показано, что 1) большинство людей смеются не потому, что слышат что-либо смешное – лишь 10–15% комментариев, за которыми следует смех, в какой-то мере соотносятся (содержат в себе комическое) с юмором; 2) рассказчики смеются больше, чем аудитория (в среднем на 46%), причем женщины-рассказчицы смеются больше, чем мужчины; 3) смех является социальной вокализацией и практически исчезает в одиночестве¹⁸.

Модель смеха говорящего и слушающего зависит от их пола. Ни мужчины, ни женщины не смеются в ответ на рассказ женщины столь много, как в ответ на рассказ мужчины. Напротив, женщины-рассказчицы смеются перед аудиторией чаще, чем мужчины, и особенно часто перед исключительно мужской аудиторией¹⁹.

По мнению К. Граммера и И. Эйбла-Эйбесфелдта, юмор – важная составляющая ритуала ухаживания²⁰. Чем интенсивней смеялась женщина, тем больше интереса она проявляла к мужчине, в то время как смех мужчины индикатором его интереса к женщине не служил. Любопытно, что мужской интерес напрямую коррелировал с интенсивностью вокализованного женского смеха, в то время как беззвучный женский смех действовал на мужчин подавляюще. Возможно, одна из функций женского смеха – передача информации о ее интересе к мужчине. Во всех культурах типична ситуация, при которой мужчина старается развлечь женщину шутками. А. Вэйл наблюдал, как мужчины в баре ухаживали за женщинами, рассказывая скабрзные анекдоты. Одни женщины, проявлявшие интерес к данным мужчинам, смеялись, тогда как другие, которых рассказчики не интересовали, не реагировали так²¹. Чем чаще разнополая пара смеется вместе, тем сильнее взаимный интерес. Совместный смех способствует формированию связи в паре мужчина–женщина²².

Смех выполняет также функцию ритуализированного доминирования. Установлено, что насмешка – одна из форм проявления доминирования: люди смеются над партнерами более низкого, чем они сами, статуса²³. Это особенно характерно для мужских коллективов. По некоторым данным, мальчики чаще, чем девочки, сорев-

нуются друг с другом в том, кто лучше понимает шутки. Остроумное парирование (словесная дуэль) в мужской компании – способ конкуренции – и особенно часто практикуется мальчиками-подростками и мужчинами во всех культурах²⁴. В поддержку гипотезы о связи юмора с доминированием можно привести данные П. Мак-Ги о том, что демонстрации и проявление доминирования у детей – хороший предсказатель чувства юмора в более поздние периоды развития²⁵. Тот же автор указывает, что профессиональные комики ведут себя крайне доминантно.

Чувство юмора, умение смешить и смеяться способствуют снятию социальной напряженности и служат надежным механизмом постконфликтного примирения²⁶. В качестве феномена малой группы, юмор представляет собой “мягкое” средство контроля за соблюдением культурных норм²⁷.

Методы и подходы в изучении детского и подросткового юмора

Ранее представления о развитии юмора строились на описании (классификации) событий, вызывающих у детей смех и улыбку, а также на оценке детьми предъявляемых стимулов, как смешных²⁸. Такой подход позволил понять общие процессы развития юмора. Однако он не давал возможности получить четкое представление о том, какие виды юмора продуцируются самими детьми на разных этапах индивидуального развития.

Исследование процессов формирования представлений о смешном в онтогенезе ребенка проведено нами с применением проективных методик (рисуночные тесты, широко и повсеместно используемые в психологии для анализа процессов когнитивного развития, уровня самооценки и других составляющих структуры личности)²⁹. “Детские рисунки, несмотря на схематизм, часто бывают очень выразительными, так как передают отношение ребенка к тому, что он изображает”³⁰, и наиболее ярко отражают эмоциональную сферу: “Ребенок, рисуя, передает в рисунке то, что он знает о предмете, а не то, что он видит. Поэтому он часто на рисунке рисует лишнее, такое, чего он не видит; часто, наоборот, опуская в рисунке многое такое, что он, несомненно, видит, но что для него является несущественным в изображаемом предмете”³¹. В этой связи детский рисунок – очень ценный проективный материал.

Создавая свои работы, дети задумываются над тем, что радость и грусть бывают разными, что сами они – разные люди и должны учиться понимать друг друга. Эмоциональная выразительность в рисунках детей младшего школьного возраста зависит не только от уровня восприятия, но и от качества реального изображения на рисунке.

Использование цветовой гаммы детьми – очень важный компонент рисунка. Даже введя в рисунок множество мелких деталей, ребенок стремится подчеркнуть личное отношение к сюжету цветом. Он (она) использует яркую – добрую, радостную или темную – злую, грустную палитру³². В случае же схематичного, недетализированного изображения, цвет – единственная выразительная характеристика, по которой можно судить об отношении ребенка к объекту рисунка.

В некоторых ранних исследованиях юмора и смеха в экспериментальной ситуации изучалась реакция испытуемых в ответ на предъявление смешных стимульных материалов (карикатуры, мультипликационные фильмы, прослушивание смешных историй и т.п.). При этом в экспериментах фактически исследовалась принадлежность представленных стимулов к категории “смешно–несмешно”, анализировались возрастные, гендерные и индивидуальные различия в восприятии смешного. В большинстве такого рода работ реакции испытуемых фиксировались вне социального контекста, т.е. респонденту предлагалось просматривать тестовые материалы в одиночестве³³.

Позднее исследователи стали учитывать социальный фактор. В результате было показано, что многие эпизоды воспринимаются испытуемыми как смешные только при наличии социального окружения³⁴. Натуралистические наблюдения за спонтан-

ным поведением детей и подростков в коллективах сверстников показали также, что исполнитель (рассказчик) зачастую сам смеется больше, чем окружающие слушатели, и, таким образом, не содержание рассказа, а смех рассказчика служит катализатором смеха окружающих (заразительность смеха)³⁵. Даже тогда, когда человек смеется над прочитанным в одиночестве, он пребывает во взаимодействии с социумом, который интегрирован в нем самом, что только дополняет его участие в социальной коммуникации, где его цель – разделить свой смех с другими.

В данном исследовании мы ставили целью изучить непосредственно представления *самих* респондентов о смешном и грустном (событиях, полярных по эмоциональной нагрузке, наиболее ярко врезавшихся в память испытуемых, отрефлексированных ими в образах и красках) как отражение когнитивного опыта ребенка. Рисуночные тесты были использованы в комплексе с последующими непосредственными комментариями ребенка на тему нарисованного. Таким образом, в отличие от ряда работ, в которых детей просили рассказывать смешные истории³⁶, в нашем исследовании основное внимание уделено оценке образа смешного и грустного в представлениях испытуемых.

Цель исследования: проследить развитие представлений о смешном и грустном в онтогенезе школьников от 8 до 12 лет; выявить специфику гендерных различий в представлениях о смешном и грустном детей младшего и среднего школьного возраста в период, когда сигнификативная функция мышления уже сформирована и освоена.

Задачи исследования: 1) выявить возрастные и гендерные различия по эмоциональной реакции автора на сюжет представленного им рисунка, 2) проанализировать возрастные и гендерные различия по композиции рисунка и его сюжету, 3) установить связь между темой рисунка (смешным и грустным – приятным и неприятным) и размерами изображения у мальчиков и девочек в разных возрастных группах.

В соответствии с целями работы были протестированы следующие гипотезы:

1. К 12 годам относительный процент “радостных” сюжетов в рисунках “смешного” будет снижаться за счет увеличения процента собственно “смешных” сюжетов. Предполагается, что к 12 годам подавляющее большинство испытуемых будет иметь четко сформированные представления о смешном и грустном.

2. С возрастом в рисунках на тему “смешное” у детей будут все четче проявляться гендерные различия в представлениях о собственной привлекательности (“неуклюжее” поведение девочки делает ее непривлекательной, умение мальчиков использовать юмор и подшучивать над собой повышает их социальный статус).

3. По мере развития социальной компетентности представления о грустном у мальчиков и девочек будут приводиться в соответствие с моделями жизненного успеха и социальной адаптации представителей своего пола.

Объектом исследования послужили дети в возрасте от 8 до 12 лет (2–6 классы средней общеобразовательной школы). В исследовании участвовали 388 московских школьников 8–12 лет: 183 мальчика и 205 девочек. В нашей выборке были равно представлены все возрастные и половые группы. В общей сложности нами проанализировано 776 детских рисунков. Все дети с удовольствием выполняли задание и комментировали собственные рисунки. В сборе данных принимала участие Е.В. Веселовская, за что авторы выражают ей глубокую благодарность.

Описание процедуры исследования

Метод рисуночных тестов, широко используемый отечественными психологами, не менее эффективен и при изучении ряда культурно-специфических и универсальных полоролевых закономерностей поведения³⁷.

Для исследования общих тенденций формирования у детей мужских и женских стереотипов поведения нами был разработан проективный рисуночный тест “Смеш-

ное и грустное”. В отличие от широко распространенных проективных методов, таких как “Проективный рисунок человека” К. Махвер, “Тематический апперцепционный тест” и другие, при анализе результатов теста “Смешное и грустное” нами не учитывалась степень владения ребенком изобразительной деятельностью и влияние глубинных подсознательных мотивов. Вместе с тем уделялось пристальное внимание социальному опыту, сложности социальных взаимодействий, отраженных сюжетом рисунка. Предполагается, что рисунки испытуемых отражают их знания об окружающей действительности, о физических явлениях, нормах социального взаимодействия и персональной компетентности.

При проведении процедуры тестирования испытуемым следовало разделить альбомный лист бумаги, расположенный горизонтально, на две равных половины и изобразить в одной из них грустное, в другой – смешное. Детям давались инструкции нарисовать что-либо, по их мнению, являющееся наиболее смешным и наиболее грустным (исключая сценки из мультиков и сюжеты из книг). Рисунки просили делать цветными карандашами или красками. Задание предлагалось на один учебный час (урок). После завершения работы экспериментатор подходил к каждому ребенку и просил подробно описать и прокомментировать изображенную им картинку.

Для количественного анализа рисунка нами была разработана специальная классификация, учитывающая содержание рисунка, его общую композицию, размеры и цвет. Каждый рисунок, таким образом, описывался нами по нескольким категориям, включающим от 3 до 12 параметров. Фиксировалось наличие или отсутствие индикатора по каждой из категорий. Для оценки объективности выделения категорий и индикаторов было привлечено восемь экспертов, из них четверо – профессиональные психологи и столько же – представители других профессий. Дополнительно также измерялась площадь непосредственно рисунка по отношению к площади листа.

Перечень категорий и признаков. I. Объект сюжета на рисунке. Признаки для описания смешных рисунков: 1) изображение событий, связанных с радостными переживаниями; 2) изображение явлений природы; 3) изображение мужчины; 4) изображение женщины; 5) изображение животного; 6) изображение неодушевленного предмета; 7) отсутствие коммуникативного взаимопонимания; 8) изображение диспропорции; 9) гротескное изображение внешности; 10) изображение неадекватного поведения; 11) необычное сочетание внешних условий и объекта; 12) изображение нарушения социальноодобряемых стереотипов.

Признаки для описания грустных рисунков: 1) изображение явлений природы; 2) изображение мужчины; 3) изображение женщины; 4) изображение животного; 5) изображение неодушевленных предметов; 6) отсутствие коммуникативного взаимопонимания; 7) изображение жестокости и сцен насилия; 8) изображение смерти; 9) изображение разрушений; 10) изображение неудачи.

II. Присутствие автора на рисунке: 1) присутствие на рисунке автора; 2) автор – объект рисунка; 3) автор – наблюдатель.

III. Изображение объектов, не являющихся объектом сюжета: 1) изображение человека; 2) изображение животного; 3) изображение растений; 4) изображение неодушевленных предметов; 5) изображение явлений природы.

IV. Изобразительные особенности рисунка: 1) использование ярких тонов; 2) использование темных тонов; 3) использование только простого карандаша; 4) детальность изображения и ее степень; 5) размеры рисунка (мелкие или крупные).

V. Использование цвета в рисунке: 1) синий; 2) зеленый; 3) красный; 4) желтый; 5) фиолетовый; 6) коричневый; 7) черный; 8) серый.

Статистическая обработка данных. Статистический анализ проводился с использованием статистического пакета SPSS 10.0.7 for Windows. Вычислялись средние и ошибки средних. Для сравнения различий средних значений в рисунках мальчиков и девочек по исследованным параметрам проводился тест Колмогорова–Смирнова и Хи-Квадрат тест. Помимо этого нами был проведен факторный анализ для оценки основных характеристик “Смешного” и “Грустного” в представлениях мальчиков и девочек.

Процент детей в возрасте 8–12 лет (2–6 классы), отразивших сюжеты и основные параметры рисунка на тему “Смешное” (дано в % от количества детей данного пола в конкретной возрастной группе)

	2 класс		3 класс		4 класс		5 класс		6 класс	
	мальчики	девочки	мальчики	девочки	мальчики	девочки	мальчики	девочки	мальчики	девочки
Объект смешного на рисунке:										
Изображение радостного	22,8	44,4	28,2	30,2	5,6	20,6	30,8	64,3	4,6	26,5
Явление природы	0,0	3,0	10,3	7,0	2,8	0,0	7,7	31,0	22,7	0,0
Мужчина	59,1	42,4	51,3	41,9	63,9	35,3	61,5	38,1	59,1	44,1
Женщина	20,5	33,3	33,3	39,5	41,7	47,1	12,8	11,9	22,7	38,2
Животное	31,8	42,4	25,6	53,5	30,6	55,9	20,5	28,6	22,7	41,2
Неодушевленный предмет	27,3	21,2	30,8	20,9	13,9	20,6	12,8	9,5	13,6	20,6
Отсутствие коммуникативного взаимопонимания	2,3	3,0	5,1	2,3	0,0	2,9	7,7	2,4	4,6	2,9
Диспропорция	6,8	6,1	2,6	4,7	2,8	0,0	15,4	4,8	4,6	17,7
Гротескное изображение внешности	4,5	9,1	15,4	14,0	22,2	11,8	15,4	14,3	0,0	5,9
Неадекватное поведение	45,5	33,3	23,1	30,2	11,1	29,4	51,3	47,6	36,4	52,9
Необычное сочетание внешних условий и объекта	34,1	24,2	12,8	34,9	30,6	26,5	33,3	14,3	50,0	14,7
Нарушение социальноодобряемых стереотипов	11,4	18,2	5,1	2,3	8,3	8,8	23,1	9,5	9,1	17,7
Автор как объект рисунка:										
Присутствие на рисунке автора	25,0	18,2	0,0	2,3	8,3	5,9	0,0	0,0	0,0	0,0
Автор – объект рисунка	13,6	9,1	0,0	0,0	8,3	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
Автор – наблюдатель	25,0	12,1	0,0	4,7	0,0	5,9	0,0	0,0	0,0	0,0
Особенности рисунка:										
Тон краски – яркий	52,3	72,7	59,0	72,1	50,0	61,8	76,9	88,1	77,3	88,2
Тон краски – темный	36,4	27,3	33,3	23,3	41,7	26,5	20,5	11,9	22,7	11,8
Использование только простого карандаша	11,4	3,0	7,7	4,7	8,3	11,8	5,1	0,0	0,0	0,0
Детальность изображения	20,5	24,2	12,8	41,9	27,8	32,4	41,0	54,8	54,6	88,2
Размеры рисунка – мелкие	31,8	27,3	35,9	16,3	19,4	20,6	20,5	9,5	22,7	11,8
Использование цвета в рисунке:										
Синий	29,5	51,5	46,2	55,8	41,7	47,1	35,9	61,9	59,1	70,6
Зеленый	43,2	45,5	41,0	48,8	33,3	41,2	46,2	71,4	50,0	55,9
Красный	52,3	84,8	64,1	81,4	66,7	76,5	71,8	90,5	81,8	91,2
Желтый	36,4	60,6	41,0	58,1	27,8	44,1	64,1	76,2	81,8	70,6
Фиолетовый	25,0	24,2	25,6	30,2	27,8	20,6	5,1	19,1	22,7	47,1
Коричневый	47,7	57,6	38,5	55,8	30,6	41,2	23,1	47,6	31,8	55,9
Черный	34,1	39,4	20,5	25,6	22,2	26,5	28,2	31,0	54,6	70,6
Серый	52,3	45,5	53,8	30,2	38,9	55,9	38,5	26,2	40,9	61,8

Результаты исследования

“Смешное” в рисунках детей. Процент детей, отразивших те или иные сюжеты и параметры рисунка на тему “Смешное” показан в табл. 1.

Описание “смешных рисунков”

В рисунках на тему “Смешное” по всем возрастным группам у девочек чаще присутствовало изображение радостного. По изображению явлений природы не было выявлено каких-либо закономерностей в возрастных или гендерных различиях. В рисунках мальчиков всех возрастов мужчина в качестве объекта смешного фигурировал чаще, чем в рисунках девочек. Напротив, девочки чаще мальчиков в качестве

Рис. 1. “Кот накакал в свою миску для еды”

объекта смешного изображали женщин. Неодушевленные предметы выступали объектами смешного в равной мере в рисунках мальчиков и девочек. По сюжету смешного никакой четкой возрастной динамики не было выявлено (табл. 1). Однако установлено, что мальчики чаще девочек видели смешное в нарушении социально одобряемых стереотипов (“Дерутся два моих одноклассника”; “Я не смог решить задачу”). В 8–10 лет мальчики изображали свое неадекватное поведение в качестве объекта смешного, чего девочки практически никогда не делали. Последним было более свойственно представлять в смешном свете что-либо непопозволенное или неправильное (“Урок, а за окном солнце, и хочется гулять”; “Горит классный журнал”; “Леня-Козлик – смешной одноклассник, потому что учится на двойки”).

По всем трем категориям присутствия автора на рисунке (“Присутствие на рисунке автора”, “Автор – объект рисунка”, “Автор – наблюдатель”) была выявлена устойчивая возрастная динамика: дети полностью переставали вводить себя в сюжет смешного рисунка к 11 годам. Мальчики 8–10 лет чаще девочек вводили себя и лиц своего пола в сюжет рисунка в качестве объекта смеха. Девочки же в этом возрасте изображали смешной эпизод, как бы глядя со стороны. В качестве смешного они рассматривали чье-либо неадекватное поведение, но не свое: “Моя кошка залезла от собаки на дерево, а спуститься сама боялась и сильно мяукала”; “Кот накакал в свою миску для еды” (рис. 1).

В конце младшего школьного возраста тема животных все еще являлась объектом смеха для девочек. К 11 годам в их рисунках начинала превалировать тема “Неадекватное поведение”.

Примечательно, что девочки в 9–10 лет максимально часто использовали прием необычного сочетания внешних условий и объекта смешного применительно к изображению животных. Например: “Кошка, испугавшаяся мыши” (9 лет), “Курящий кот” (9 лет), “Слон на приеме у зубного врача-женщины сидит в обычном зубврачебном кресле” (10 лет) и др. (рис. 2). Очевидно, примерно к этому возрасту у девочек формируются общие представления о том, что “положено” делать данному виду животных, а что является “нарушением” норм его естественного поведения и кажется девочкам исключительно занятным. Прием необычного сочетания внешних условий и объекта смеха применительно к людям и предметам, по нашим данным, чаще использовался мальчиками. Например, “Веселое солнце, выпившее кока-колы”. Данный фактор особенно проявился у мальчиков в возрасте 11–12 лет.

Показатель “Изображение радостного” у девочек был выше во всех возрастах. Качественное отличие в изображении явлений природы мальчиками и девочками

Рис. 2. “Слон на приеме у зубного врача-женщины, сидит в обычном зубо врачебном кресле”

было обнаружено в возрастной группе 11 и 12 лет. Это сказалось в том, что девочки 11 лет видели смешное в самом явлении природы. Впрочем, в этом случае происходила некоторая подмена понятия “смешное” понятием “веселое, радостное” (“Смешно и весело в хорошую погоду”, “Яркое солнце бросает два пучка лучей на два дерева”). Мальчики же 12 лет изображали явления природы в сочетании с необычными жизненными ситуациями, например, “Человек в шубе летом у моря”. 11-летние мальчики использовали “Необычное сочетание внешних условий и объекта смешного” наряду с “Нарушением социально одобряемых стереотипов” и “Изображением мужчины”, например, “Мужчина моется в ванной, находящейся на крыше-багажнике движущегося легкового автомобиля” (рис. 3). Если в 10 лет мальчики изображали себя в качестве объекта смеха, то в дальнейшем (в 11–12 лет) они этого не делали.

Гендерные различия в использовании цвета в рисунках на тему “Смешное” проявляются уже начиная с 8-летнего возраста. Мальчики всех возрастов не использовали цвет в качестве важного атрибута смешных ситуаций. Кроме того, они не использовали цвет для выражения своего отношения к объекту “смешных рисунков”, тогда как для девочек яркая цветовая палитра служила средством выражения их эмоционального отношения к изображаемому.

Девочки изображали смешное более детально, чем мальчики. Данная закономерность была верна для всех исследуемых возрастов (табл. 1). Число мальчиков, изображавших смешное мелким планом, во всех возрастах, за исключением 10-летних

Рис. 3. “Мужчина моется в ванной, находящейся на крыше-багажнике движущегося легкового автомобиля”

(примерно равный процент детей обоего пола), было больше. Процент девочек всех возрастов, у которых оказались задействованы синий, зеленый, красный и желтый цвета, превышал аналогичный процент мальчиков.

Гендерные различия в “смешных рисунках”

Для характеристики рисунков “Смешное” по тесту Колмогорова–Смирнова мы сравнили средние для девочек и мальчиков показатели по 33 признакам. Достоверные значения приведены в табл. 2. В рисунках на тему “Смешное” мальчики достоверно чаще девочек изображали мужчину ($\chi^2 = 12,614, p = 0,0004$), а девочки – животных ($\chi^2 = 12,119, p = 0,0005$). Общая площадь рисунков на тему “Смешное” была достоверно меньше у мальчиков ($\chi^2 = 5,405, p = 0,02$). Девочки чаще рисовали смешное в значении радостного ($\chi^2 = 13,826, p = 0,0002$). Значимые гендерные различия были выявлены и по частоте применения ярких и темных красок: мальчики чаще использовали темные ($\chi^2 = 6,644, p = 0,01$), девочки – яркие ($\chi^2 = 9,972, p = 0,002$). Синий ($\chi^2 = 10,542, p = 0,001$), зеленый ($\chi^2 = 4,439, p = 0,04$), красный ($\chi^2 = 18,548, p = 0,00002$), желтый ($\chi^2 = 8,473, p = 0,004$) и коричневый ($\chi^2 = 10,275, p = 40,001$) цвета достоверно чаще использовались девочками.

Достоверные различия по результатам теста Колмогорова–Смирнова в рисунках детей всех возрастов (8–12 лет) на тему “Смешное”

	Пол	N	m	S.E.	Z	p
Изображение радостного	девочки	186	0,38	0,04	3,713	0,0002
	мальчики	180	0,20	0,03		
Объект смешного – мужчина	девочки	186	0,40	0,04	-3,547*	0,0004
	мальчики	180	0,59	0,04		
Объект смешного – животное	девочки	186	0,44	0,04	-3,477	0,001
	мальчики	180	0,27	0,03		
Изображение животного	девочки	186	0,46	0,04	-3,548	0,0003
	мальчики	180	0,28	0,03		
Тон краски яркий	девочки	186	0,77	0,03	-3,153	0,002
	мальчики	180	0,62	0,04		
Тон краски темный	девочки	186	0,20	0,03	-2,574*	0,01
	мальчики	180	0,32	0,03		
Детальность изображения	девочки	186	0,55	0,04	-3,679	0,0002
	мальчики	180	0,27	0,03		
Размеры рисунка – мелкие	девочки	186	0,17	0,03	-2,322*	0,02
	мальчики	180	0,34	0,04		
Синий цвет	девочки	186	0,58	0,04	-3,242	0,001
	мальчики	180	0,41	0,04		
Зеленый цвет	девочки	186	0,53	0,04	-2,104	0,035
	мальчики	180	0,42	0,04		
Красный цвет	девочки	186	0,85	0,03	-4,301	0,0002
	мальчики	180	0,66	0,04		
Желтый цвет	девочки	186	0,62	0,04	-2,907	0,004
	мальчики	180	0,47	0,04		
Коричневый цвет	девочки	186	0,52	0,04	-3,201	0,001
	мальчики	180	0,35	0,04		

Условные обозначения (здесь и далее в табл. 3, 4, 6–8): N – количество испытуемых; m – среднее значение признака; S.E. – стандартная ошибка; Z – тест Колмогорова–Смирнова для независимых выборок; p – достоверность различий, двусторонний критерий; * – указанный признак более выражен у мальчиков.

Возрастные различия в изображении смешного

Мы провели сравнение показателей смешного у двух контрастных возрастных групп – детей 8- и 12-летнего возраста по критерию Колмогорова – Смирнова для независимых выборок. В табл. 3, 4 приведены данные по достоверно отличающимся показателям отдельно для девочек и для мальчиков.

Достоверные различия у девочек 8 и 12-летнего возраста были выявлены нами по шести показателям (табл. 3) в рисунке “Смешное”. Девочки младшего возраста чаще старших изображали неодушевленные предметы ($\chi^2 = 5,635, p = 0,02$) и вводили себя в сюжет рисунка в качестве наблюдателя (получены значимые показатели по критериям “Присутствие автора на рисунке”) ($\chi^2 = 6,790, p = 0,009$) и “Автор – наблюдатель” ($\chi^2 = 4,383, p = 0,04$). Старшие девочки достоверно чаще изображали смешное более детализировано ($\chi^2 = 23,006, p = 0,00001$). Также в этом возрасте девочки стали достоверно чаще использовать в своих рисунках фиолетовый ($\chi^2 = 3,792, p = 0,05$) и черный ($\chi^2 = 6,590, p = 0,01$) цвета.

В 8 и 12 лет мальчики демонстрировали достоверные отличия в рисунке на тему “Смешное” по девяти показателям (табл. 4). Как и девочки 8 лет, младшие мальчики достоверно чаще старших изображали свое присутствие на рисунке. Нами отмечены также достоверные значения по показателям “Присутствие автора на рисунке” ($\chi^2 = 6,600, p = 0,01$) и “Автор – наблюдатель” ($\chi^2 = 6,600, p = 0,01$). Мальчики старшей возрастной группы, в отличие от мальчиков 8 лет, практически не изображали себя

Достоверные различия по результатам теста Колмогорова–Смирнова в рисунках девочек 2 и 6 классов (8 и 12 лет) на тему “Смешное”

	Возраст	N	m	S.E.	Z	p
Автор присутствует на рисунке	8 лет	33	0,18	0,07	-2,586*	0,01
	12 лет	34	0	0,00		
Автор – наблюдатель	8 лет	33	0,12	0,06	-2,078*	0,04
	12 лет	34	0	0,00		
Изображение неодушевленного предмета	8 лет	33	0,73	0,08	-2,356*	0,02
	12 лет	34	0,44	0,09		
Детальность изображения	8 лет	33	0,36	0,10	-4,061	0,0001
	12 лет	34	0,88	0,07		
Фиолетовый цвет	8 лет	33	0,24	0,08	-1,933	0,05
	12 лет	34	0,47	0,09		
Черный цвет	8 лет	33	0,39	0,09	-2,548	0,01
	12 лет	34	0,71	0,08		

Таблица 4

Достоверные различия по результатам теста Колмогорова–Смирнова в рисунках мальчиков 2 и 6 классов (8 и 12 лет) на тему “Смешное”

	Возраст	N	m	S.E.	Z	p
Объект смешного – явления природы	8 лет	44	0	0	-3,264	0,001
	12 лет	22	0,23	0,09		
Автор присутствует на рисунке	8 лет	44	0,25	0,07	-2,550*	0,01
	12 лет	22	0	0		
Автор – наблюдатель	8 лет	44	0,25	0,07	-2,550*	0,01
	12 лет	22	0	0		
Изображение явлений природы	8 лет	44	0,02	0,02	-3,086	0,002
	12 лет	22	0,27	0,1		
Тон краски яркий	8 лет	44	0,52	0,08	-1,945	0,05
	12 лет	22	0,77	0,09		
Детальность изображения	8 лет	44	0,2	0,06	-2,782	0,01
	12 лет	22	0,55	0,11		
Синий цвет	8 лет	44	0,3	0,07	-2,298	0,02
	12 лет	22	0,59	0,11		
Красный цвет	8 лет	44	0,52	0,08	-2,315	0,02
	12 лет	22	0,82	0,08		
Желтый цвет	8 лет	44	0,36	0,07	-3,457	0,001
	12 лет	22	0,82	0,08		

в качестве объекта и наблюдателя. Вместе с тем старшие мальчики достоверно чаще изображали в качестве смешного явления природы ($\chi^2 = 10,820$, $p = 0,001$) и более тщательно прорисовывали детали рисунка ($\chi^2 = 7,857$, $p = 0,005$) в совокупности с использованием яркой цветовой палитры ($\chi^2 = 3,839$, $p = 0,05$). Нами было отмечено использование мальчиками 12 лет красных ($\chi^2 = 5,441$, $p = 0,02$), желтых ($\chi^2 = 12,132$, $p = 0,0004$) и синих ($\chi^2 = 5,363$, $p = 0,02$) красок на смешных рисунках.

Таким образом, сравнительный анализ формирования представлений о смешном выявил несколько различную динамику у мальчиков и девочек. Девочки с возрастом чаще добавляли к ярким краскам темные для обозначения контраста между смешным и фоном, а мальчики начинали более часто употреблять яркие краски (уже освоенные девочками для обозначения смешного к 8 годам). Девочки с возрастом чаще изображали неодушевленные предметы, мальчики концентрировались на явлениях природы. В возрастной динамике прослеживалось и определенное сходство между мальчиками и девочками. Так, в обоих случаях с возрастом все реже на рисун-

Параметры рисунка на тему “Грустное” в 8–12 лет (2–6 классы)
(даны в % от количества детей данного пола и данных возрастных групп)

	2 класс		3 класс		4 класс		5 класс		6 класс	
	мальчики	девочки	мальчики	девочки	мальчики	девочки	мальчики	девочки	мальчики	девочки
Объект грустного на рисунке:										
Явление природы	6,8%	18,2%	5,1%	9,3%	19,4%	29,4%	33,3%	42,9%	18,2%	26,5%
Мужчина	45,5%	24,2%	53,8%	27,9%	33,3%	17,6%	18,0%	4,8%	13,6%	23,5%
Женщина	15,9	30,3	48,7	46,5	19,4	35,3	0,0	2,4	13,6	26,5
Животное	25,0	36,4	10,3	16,3	8,3	14,7	5,1	14,3	9,1	11,8
Неодушевленный предмет	20,5	15,2	17,9	27,9	38,9	17,6	2,6	19,1	13,6	5,9
Отсутствие коммуникативного взаимопонимания	9,1	6,1	2,6	7,0	0,0	2,9	10,3	2,4	0,0	8,8
Жестокость	25,0	9,1	30,8	18,6	22,2	17,6	23,1	14,3	36,4	29,4
Смерть	20,5	21,2	33,3	18,6	27,8	23,5	43,6	31,0	31,8	14,7
Разрушения	13,6	6,1	17,9	9,3	25,0	14,7	30,8	19,1	40,9	17,7
Неудача	34,1	27,3	51,3	48,8	44,4	35,3	53,9	64,3	22,7	61,8
Автор как объект рисунка:										
Присутствие на рисунке автора	15,9	18,2	7,7	4,7	5,6	8,8	0,0	0,0	0,0	5,9
Автор – объект рисунка	13,6	12,1	7,7	4,7	5,6	2,9	0,0	0,0	0,0	2,9
Автор – наблюдатель	4,5	18,2	0,0	0,0	0,0	5,9	0,0	0,0	0,0	0,0
Особенности рисунка:										
Тон краски яркий	34,1	48,5	23,1	37,2	50,0	26,5	38,5	33,3	40,9	47,1
Тон краски темный	54,5	42,4	66,7	58,1	44,4	55,9	61,5	54,8	59,1	52,9
Использование только простого карандаша	13,6	6,1	10,3	4,7	5,6	17,6	2,6	0,0	0,0	0,0
Детальность изображения	29,5	36,4	25,6	32,6	8,3	38,2	48,7	59,5	40,9	35,3
Размеры рисунка – мелкие	38,6	27,3	33,3	30,2	47,2	23,5	28,2	21,4	40,9	8,8
Использование цвета в рисунке:										
Синий цвет	18,2	45,5	38,5	55,8	36,1	38,2	48,7	71,4	54,6	73,5
Зеленый цвет	25,0	36,4	23,1	30,2	30,6	29,4	28,2	45,2	40,9	44,1
Красный цвет	47,7	51,5	53,8	69,8	61,1	41,2	61,5	64,3	63,6	67,7
Желтый цвет	40,9	48,5	28,2	39,5	25,0	32,4	33,3	26,2	45,5	38,2
Фиолетовый цвет	25,0	27,3	12,8	20,9	11,1	8,8	2,6	7,1	13,6	20,6
Коричневый цвет	40,9	39,4	38,5	30,2	27,8	38,2	20,5	47,6	50,0	55,9
Черный цвет	38,6	30,3	33,3	32,6	47,2	26,5	69,2	54,8	59,1	41,2
Серый цвет	45,5	48,5	33,3	34,9	30,6	44,1	20,5	28,6	63,6	79,4

ке присутствовал автор, будь то в качестве объекта смешного или наблюдателя, и проявлялось более скрупулезное отношение к прорисовке деталей изображаемого.

Обзор “грустных рисунков”

Как показали результаты нашего исследования, явления природы в контексте “грустного рисунка” встречаются у большего процента девочек, чем мальчиков, во всех возрастах. В целом по этому параметру прослеживалась определенная возрастная динамика. В возрасте 8–9 лет явления природы изображал меньший процент детей, нежели в возрасте 10–12 лет. Большой процент мальчиков, чем девочек, в качестве объекта грустного помещал на рисунок мужчину. В 8, 10 и 12 лет больший процент девочек, по сравнению с мальчиками, рисовал в грустном сюжете женщину.

Рис. 4. “Мать бросает ребенка”

Животное являлось объектом грусти чаще в рисунках девочек, чем в рисунках мальчиков, с 8 до 11 лет. В 12 лет эта разница практически нивелировалась. Никаких закономерностей (ни возрастных, ни гендерных) не было выявлено по показателю “Неодушевленный предмет – объект грустного” и по теме “Отсутствие коммуникативного взаимопонимания”.

Автор присутствовал на рисунках детей 8–10 лет. Девочки чаще, чем мальчики, вводили себя в сюжет рисунка в качестве наблюдателя. Особенно это заметно в группе детей в возрасте 8 лет. К 11 годам автор как часть композиции на тему “грустное” практически полностью исчезал.

Тема жестокости и разрушений во всех возрастах присутствовала у мальчиков чаще, чем у девочек. “Смерть” изображали примерно равное число 8-летних мальчиков и девочек. “Неудачу” у детей с 8 до 10 лет несколько чаще изображали мальчики, а в 11 и 12 лет ситуация менялась на диаметрально противоположную.

Что касается использования ярких красок, то здесь никакой возрастной и половой динамики не прослеживалось. Темные краски во всех возрастах, за исключением 10 лет, чаще использовали мальчиками. Детальность “грустных рисунков” во всех возрастах, за исключением 12 лет, была выше у девочек. Мальчики в целом были более склонны делать “грустные” рисунки мельче, чем девочки. Последние во всех возрастах чаще применяли синие и зеленые краски и чаще начинали использовать коричневый цвет с 10-летнего возраста. Для мальчиков было характерно употребление черного цвета.

Достоверные различия по результатам теста Колмогорова–Смирнова в рисунках детей всех возрастов (8–12 лет) на тему “Грустное”

	Пол	N	m	S.E.	Z	p
Объект грустного – явления природы	девочки	186	0,25	0,03	-2,156	0,03
	мальчики	180	0,16	0,03		
Объект грустного – мужчина	девочки	186	0,19	0,03	-3,364*	0,001
	мальчики	180	0,35	0,04		
Объект грустного – жестокость	девочки	186	0,18	0,03	-2,053*	0,04
	мальчики	180	0,27	0,03		
смерть	девочки	186	0,22	0,03	-1,962*	0,05
	мальчики	180	0,31	0,03		
Объект грустного – разрушение	девочки	186	0,13	0,03	-2,566*	0,01
	мальчики	180	0,24	0,03		
Изображение растения	девочки	186	0,20	0,03	-2,151	0,03
	мальчики	180	0,12	0,02		
Изображение неодушевленного предмета	девочки	186	0,61	0,04	-2,45*	0,01
	мальчики	180	0,73	0,03		
Размеры рисунка – мелкие	девочки	186	0,23	0,03	-3,058*	0,002
	мальчики	180	0,37	0,04		
Синий цвет	девочки	186	0,58	0,04	-3,883	0,0001
	мальчики	180	0,37	0,04		
Черный цвет	девочки	186	0,38	0,04	-2,065*	0,04
	мальчики	180	0,48	0,04		
Серый цвет	девочки	186	0,46	0,04	-1,752	0,08
	мальчики	180	0,37	0,04		

Гендерные различия в “грустных рисунках”

В сюжетах “грустных рисунков” можно было проследить ряд гендерных различий. Мальчики изображали сцены жестокости и смерти: «Тонущий “Титаник”», «Смерть и радиация». При этом они воспроизводили необычные ситуации, связанные с неопытностью участников, просчетами и ошибками, и подчеркивали содержательную сторону событий: “Спецназ убивает террориста, а это оказывается заложник”, “Война – мы проигрываем”. Девочки зачастую использовали сюжеты, напрямую связанные с эмпатическими переживаниями: “Охотник, убивающий животное”, “Вянущий цветок”, “Разлука и смерть”, “Инвалид”, “Мать бросает ребенка” (рис. 4).

В отличие от рисунков на смешную тему, на “грустных рисунках” девочки достоверно чаще изображали себя в качестве наблюдателя. Кроме того, рисуя непогоду, девочки чаще связывали сюжет с кем-либо и сопереживали герою рисунка: “Под дождь попал котенок”, “Бездомный, брошенный щенок”, “Женщина одна на улице во время дождя” (рис. 5). Мальчики же, изображая плохую погоду, достоверно чаще девочек ассоциируют ее с собственным плохим настроением.

Аналогично сравнению средних значений по показателям рисунка “Смешное” мы сопоставили данные по 26 показателям рисунка “Грустное” у девочек и мальчиков. Достоверные значения приведены в табл. 8. Как и в случае со смешным, мальчики достоверно чаще вводили в свой рисунок мужчин ($\chi^2 = 11,347$, $p = 0,001$), а девочки – женщин. В последнем случае, аналогично “смешным рисункам”, различия также не были достоверными. Девочки достоверно чаще мальчиков изображали явления природы ($\chi^2 = 4,663$, $p = 0,03$), растения ($\chi^2 = 4,641$, $p = 0,03$), а мальчики – неодушевленные предметы ($\chi^2 = 6,02$, $p = 0,01$). Так же, как и в “смешных рисунках”, мальчики изображали “грусть” меньшими, по сравнению с девочками, размерами ($\chi^2 = 9,377$, $p = 0,002$). Представляется важным следующее обстоятельство: мальчики чаще девочек в рисунках на тему “Грустное” делали акцент на сюжетной линии: они досто-

Рис. 5. “Женщина одна на улице во время дождя”

верно чаще девочек изображали сцены, сопряженные с жестокостью и насилием ($\chi^2 = 4,228, p = 0,04$), картины разрушения ($\chi^2 = 6,601, p = 0,01$) и смерти ($\chi^2 = 3,862, p = 0,05$).

Возрастные различия в изображении грустного

Так же, как и при анализе “смешных рисунков”, мы провели сравнение показателей смешного в двух крайних возрастных группах детей 8- и 12-летнего возраста по критерию Колмогорова–Смирнова для независимых выборок.

В рисунках на тему “Грустное” у мальчиков и девочек были выявлены достоверные возрастные различия: по девяти показателям у девочек (табл. 7) и по четырем показателям у мальчиков (табл. 8).

В 8 лет девочки достоверно чаще изображали “грустный рисунок” меньшими размерами, чем старшие девочки ($\chi^2 = 3,877, p = 0,05$), и изображали себя как наблюдателя грустных событий ($\chi^2 = 6,790, p = 0,01$). Объектом грусти в группе 8-летних детей на рисунках девочек являлось животное ($\chi^2 = 5,575, p = 0,02$). Вместе с тем сюжет “грустных рисунков” в данном возрасте был отмечен нами как простой ($\chi^2 = 10,884, p = 0,001$).

Девочки 12 лет чаще выбирали в качестве темы грусти “Жестокость” ($\chi^2 = 4,422, p = 0,04$) и “Неудачу” ($\chi^2 = 8,057, p = 0,005$). Они рисовали растения ($\chi^2 = 5,482, p = 0,02$) и высказывали свое эмоциональное отношение к грустному, используя в рисунках синий ($\chi^2 = 5,486, p = 0,02$) и серый ($\chi^2 = 6,967, p = 0,008$) цвета. Девочкам

Достоверные различия по результатам теста Колмогорова–Смирнова в рисунках девочек 2 и 6 классов (8 и 12 лет) на тему “Грустное”

	Возраст	N	m	S.E.	Z	p
Объект грустного – животное	8 лет	33	0,36	0,09	-2,343*	0,02
	12 лет	34	0,12	0,06		
Объект грустного – жестокость	8 лет	33	0,09	0,05	-2,087	0,04
	12 лет	34	0,29	0,08		
Объект грустного – неудача	8 лет	33	0,27	0,08	-2,817	0,005
	12 лет	34	0,62	0,08		
Простой сюжет	8 лет	33	0,67	0,08	-3,274*	0,001
	12 лет	34	0,26	0,08		
Автор – наблюдатель	8 лет	33	0,18	0,07	-2,586*	0,01
	12 лет	34	0	0		
Изображение растения	8 лет	33	0,09	0,05	-2,324	0,02
	12 лет	34	0,32	0,08		
Размеры рисунка – мелкие	8 лет	33	0,27	0,08	-1,954*	0,05
	12 лет	34	0,09	0,05		
Синий цвет	8 лет	33	0,45	0,09	-2,325	0,02
	12 лет	34	0,74	0,08		
Серый цвет	8 лет	33	0,48	0,09	-2,620	0,009
	12 лет	34	0,79	0,07		

Таблица 8

Достоверные различия по результатам теста Колмогорова–Смирнова в рисунках мальчиков 2 и 6 классов (8 и 12 лет) на тему “Грустное”

	Возраст	N	m	S.E.	Z	p
Объект грустного – мужчина	8 лет	44	0,45	0,08	-2,538*	0,01
	12 лет	22	0,14	0,07		
Объект грустного – разрушение	8 лет	44	0,14	0,05	-2,473	0,01
	12 лет	22	0,41	0,11		
Автор присутствует на рисунке	8 лет	44	0,16	0,06	-1,964*	0,05
	12 лет	22	0,00	0,00		
Синий цвет	8 лет	44	0,18	0,06	-3,007	0,003
	12 лет	22	0,55	0,11		

12 лет виделся грустным чей-либо, в том числе свой, неуспех: “Горит классный журнал”, “Не хочется делать уроки, а в дневнике двойки” и т.п.

Мальчики 8 лет достоверно чаще изображали мужчин и самих себя: “Мужчина как объект грустного” ($\chi^2 = 6,540, p = 0,01$) и “Присутствие автора на рисунке” ($\chi^2 = 3,915, p = 0,05$). Данные по “грустным рисункам” показали, что у мальчиков 12 лет также присутствовало только два значимых показателя – “Изображение разрушений” ($\chi^2 = 6,212, p = 0,01$) и использование синего цвета ($\chi^2 = 9,183, p = 0,002$) в рисунке.

И мальчики, и девочки с возрастом реже изображали живых существ (мужчин, женщин и животных) и чаще – растения (природу). Девочки, в отличие от мальчиков, с возрастом чаще начинали изображать жестокость и неудачи, а мальчики – разрушения.

Обсуждение

Рисунки несут многофункциональную нагрузку и позволяют говорить о многих сторонах психической деятельности их авторов³⁸. Особое значение рисунки приобретают при изучении процессов развития детской психики в онтогенезе, когда ребе-

нок еще не в состоянии словесно выразить свои мысли и чувства. По мнению Л.С. Выготского, с психологической точки зрения, мы должны рассматривать рисунок как своеобразную детскую речь³⁹. Помимо этого рисунок ребенка служит отражением его субъективного опыта и дает важнейшую информацию о характерных особенностях его поведения. Указанные положения были использованы нами в данной работе и обеспечили весомое теоретическое обоснование объективности использования рисуночных тестов для анализа онтогенеза детских представлений о смешном и грустном.

Как показали наши исследования, к 12 годам практически все дети имеют четкие представления о смешном и грустном. Однако представления девочек и мальчиков о смешном достоверно различаются по целому ряду параметров (эмоциональные, ситуативные), тогда как взгляды на грустное у них сходны. Возможно, это связано с различной ролью смешного и грустного в социальной жизни ребенка. Различия между мальчиками и девочками в представлениях о смешном являются следствием разных гендерных моделей успешной адаптации в коллективах сверстников⁴⁰.

Как показывают исследования, юмор функционирует непосредственно на уровне социально-группового взаимодействия. К примеру, дети уже в 7–8 лет для поднятия своего статуса в группе способны прибегать не к физической силе, а к юмору (это в большей степени типично для мальчиков). Применяя юмор в контексте повседневного общения, мальчик-подросток не только укрепляет свои позиции в группе сверстников одного с ним пола, но и способен использовать юмор, чтобы понравиться девочкам-сверстницам⁴¹. Использование шуток и восприятие юмора, по-видимому, тесно связаны с когнитивными способностями. Мальчики младшего школьного возраста с высоким уровнем творческих способностей лучше воспринимают юмор и оценивают его как более значимое средство общения.

Представления о смешном у мальчиков в первую очередь связаны с подростковым желанием обратить на себя внимание окружающих и конкурировать в борьбе за социальный статус. Выглядеть для мальчиков смешным не позорно, а престижно. Являясь объектом смеха, он привлекает к себе внимание и в ряде случаев “строит” на этом свою популярность среди лиц противоположного пола⁴², что, на наш взгляд, подчеркивает доминантную природу мужского юмора.

Протест против устоявшихся норм и правил поведения, типичный для подростков, находит, как нам представляется, отражение в отношении мальчиков к смешному. С одной стороны, нарушение социальноодобряемых стереотипов порицается “миром взрослых”, с другой, сами мальчики видят в этом явлении привлекательные черты и явно или подсознательно симпатизируют такого рода поведению, например, “Я стою и наблюдаю, как один мальчик бьет подушкой другого по голове”, “Один мальчик толкает другого и тот садится в грязную лужу”, “Дерутся двое моих одноклассников”.

Подшучивание, более широко распространенное в мужских компаниях, – социальный релизер, снижающий уровень агрессии и враждебности⁴³. Переключая конфликтную ситуацию в игровой план, юмор в подростковых коллективах способствует более успешной, компетентной адаптации, включенности в социальную среду. Данный факт находит подтверждение в работах многих зарубежных психологов⁴⁴. В нашем исследовании также найдены корреляты, указывающие на символическое “выведение” (изображение) мальчиками 11–12 лет мужчины в качестве объекта на “смешных рисунках” “Мужчина моется в ванне, находящейся на крыше движущегося легкового автомобиля”, “Я подсакиваю сзади к дедушке и сдергиваю с него трусы”.

Мальчики и мужчины шутят гораздо чаще, чем девочки и женщины (кросскультурные данные по Бельгии, США и Гонконгу)⁴⁵. Указанные половые различия возникают примерно в 6-летнем возрасте, как только дети начинают шутить, т.е. задолго до наступления половой зрелости. Наши данные подтверждают, что способность шутить связана с установлением стабильных (иерархических) отношений доминирования. Вполне возможно, что указанные половые различия отражают большую тенденцию к доминированию и конкурентности у мальчиков во всех культурах⁴⁶. Воз-

можно также, что мужчины имеют более высокую мотивацию шутить, чем женщины, потому что с помощью шуток добиваются большего расположения и признания женщин и меньше боятся быть отвергнутыми. Другим доказательством исключительной значимости шуток, как “виртуального оружия” в контексте конкуренции, является тот факт, что именно мужчины предпочитают использовать уничижающий юмор по отношению к окружающим и делают это с завидным мастерством. Женщины же реже используют шутки как способ борьбы с противниками и, в отличие от мужчин, чаще шутят над собой⁴⁷.

Мальчики чаще девочек видят смешное в своем неадекватном поведении, изображая себя в качестве объекта смешного, чего девочки практически никогда не делают (“Я не смог решить задачу”, “Я шел в школу, споткнулся и упал в грязь”, “Я шел с закрытыми глазами, промахнулся мимо двери и ударился головой о стену”). Девочки обращают больше внимания на свой внешний облик, и им менее приятно видеть себя смешными или показаться смешными в глазах других⁴⁸. Нежелание (и даже страх) выглядеть смешной – типичная черта женского поведения, и эта психологическая характеристика уже четко присутствует в образных представлениях детей о себе и внешнем мире уже к 10–11-летнему возрасту. Девочкам более свойственно относить к категории смешного что-либо непопуганное или неправильное: “Урок, а за окном солнце, хочется гулять”, “Горит классный журнал”, “Официант, у которого упали из рук столовые приборы”.

Принципиальные гендерные различия касаются также эмоциональной составляющей смешного. Девочки делают упор именно на эту составляющую и в рисунках на тему “Смешное” у них преобладают яркие – красные, желтые, синие и зеленые – краски. В рисунках мальчиков достоверно превалирует содержательная составляющая, и не удивительно, что часть рисунков мальчики предпочитали выполнять простым карандашом.

Анализ “смешных рисунков” детей в возрасте от 8 до 12 лет выявил отчетливую возрастную динамику. Гендерные различия по эмоциональному отношению к изображаемому четче прослеживаются в рисунках на тему “Смешное”. Девочки, по всей видимости, более склонны, чем мальчики, ассоциировать смешное с радостным, веселым и праздничным. С возрастом число гендерных различий в представлениях о смешном постепенно возрастает. Это косвенно указывает на тот факт, что смешное по-разному используется девочками и мальчиками и играет разную роль в их жизни.

В “грустных рисунках” мальчиков и девочек наблюдалось больше сходства, чем в “смешных”, в частности по эмоциональному настрою авторов. И мальчики, и девочки использовали в своих картинках синие, серые и черные краски, тогда как вкрапления красного были сопряжены с изображением крови, пожара, взрывов. К 11–12 годам в детских рисунках на тему грустного регулярно встречаются сюжеты, связанные с природными катастрофами, загрязнением окружающей среды. Это свидетельствует о наличии в школах активных программ экологического воспитания и успешного освоения детьми этих сведений на уровне четко сформировавшихся подсознательных негативных установок.

В сюжетах “грустных рисунков” также прослеживался ряд гендерных различий. Мальчики чаще изображали сцены жестокости и смерти. При этом они воспроизводили необычные ситуации, связанные с неопытностью участников, их просчетами и ошибками и подчеркивали содержательную сторону событий, тогда как девочки чаще изображали сюжеты, отражающие собственные эмпатические переживания. В отличие от рисунков на смешную тему, девочки достоверно чаще изображали себя в качестве наблюдателя на “грустных рисунках”. Изображая непогоду, они сопереживали герою рисунка, мальчики же, изображая плохую погоду, преимущественно ассоциировали ее с собственным плохим настроением. Все это согласуется с представлениями о том, что для девочек характерна большая склонность к сопереживанию, эмпатии⁴⁹. Девочки в возрасте 10–12 лет демонстрируют большую заботу и состра-

дание, чем мальчики-сверстники, что, по-видимому, связано с более ранним созреванием девочек⁵⁰.

Ряд гендерных различий в рисунках на тему “Смешное” и “Грустное” у детей 8–12 лет касался также их внутренних установок. В рисунках на смешные и на грустные сюжеты дети предпочитали изображать героев своего пола (в этом прослеживается отработка гендерных стереотипов и идентификация с собственным полом). Для мальчиков эти различия оказались более выраженными. В “смешном контексте” девочки чаще, чем мальчики, изображали животных, в “грустном” они чаще мальчиков рисовали растения. Возможно, девочки в возрасте 10–12 лет больше интересуются окружающей природой, а мальчики – социальными взаимоотношениями со сверстниками (и социальными отношениями в мире взрослых мужчин). В целом грустное у девочек эмоционально ассоциируется с неприятным и страшным, а у мальчиков с жестокостью, агрессией и насилием. Последнее отражает общую тенденцию, выявленную этологами: уже в возрасте 6–7 лет мальчики достоверно превосходят девочек не только по уровню контактной агрессии, но и предпочитают играть в силовые игры, в войну⁵¹. Эти данные согласуются также с информацией других исследователей о том, что мальчики предпочитают смотреть “боевики”, военные сюжеты, играть в компьютерные “игры-стрелялки”⁵² или “игры-войнушки”.

Примечания

¹ Козинцев А.Г., Бутовская М.Л. О происхождении юмора // Этнограф. обозрение (далее – ЭО). 1996. № 1. С. 49–53; Смех: истоки и функции / Под ред. А.Г. Козинцева. СПб., 2002.

² Бэррон Р., Ричардсон Д. Агрессия. СПб., 1998. С. 318–319.

³ Sroufe L.A., Wunsch J.P. The development of laughter in the first years of life // Child Development. 1972. P. 1326–1344.

⁴ Eibl-Eibesfeldt I. Human ethology. N.Y., 1989. P. 138, 315.

⁵ Козинцев А.Г., Бутовская М.Л. На пороге юмора // Кунсткамера. Вып. 10. 1996. С. 162–166; Козинцев А.Г. Смех, плач, зевота: психология чувств или этология общения? // Этология человека на пороге 21 века: новые данные и старые проблемы / Под ред. М.Л. Бутовской. М., 1999. С. 91–121; Чеснов Я.В. Герменевтический подход к происхождению смеха // ЭО. 1996. № 1. С. 53–61.

⁶ Абрамян Л.А. Первоыбитный праздник и мифология. Ереван, 1983. С. 45–46, 66–68.

⁷ Аристотель. Поэтика // Аристотель. Соч. Т. 4. М., 1984. С. 645–680; Фрэзер Дж. Золотая ветвь. М., 1980; Бергсон А. Смех. М., 1992; Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М., 1965; Пронн В.Я. Проблемы комизма и смеха. М., 1976.

⁸ Van Hooff J.A.R.A.M. A comparative approach to the phylogeny of laughter and smiling // Non-verbal Communication / Ed. R.A. Hinde. Cambridge, 1972. P. 209–243.

⁹ Weisfeldt G. The Adaptive Value of Humor and Laughter // Ethology and Sociobiology. № 14. 1993. P. 141–169.

¹⁰ Козинцев А.Г., Бутовская М.Л. О происхождении...; Они же. На пороге юмора; Бутовская М.Л. Формирование гендерных стереотипов у детей // ЭО. 1997. № 4. С. 104–122; Козинцев А.Г. Указ. соч.

¹¹ Grammer K., Eibl-Eibesfeldt I. The ritualization of laughter // *Natuerlichkeit der Sprache und der Kultur* / Ed. W. Koch. Bochum, 1990. S. 192–214. (Bochumer Beitrage zur Semiitik. Vol. 18).

¹² Дарвин Ч. Выражение эмоций у человека и животных // Дарвин Ч. Соч. Т. 5. М., 1953. С. 681–920; Eibl-Eibesfeldt I. Similariti56es and differences between cultures in expressive movements // Nonverbal communication. P. 20–33.

¹³ Изард К. Психология эмоций. СПб., 1999. С. 177. (Изард К. Эмоции человека. М., 1980).

¹⁴ Бутовская М.Л., Артемова О.Ю., Арсенина О.И. Полорольевые стереотипы у детей центральной России в современных условиях // ЭО. 1998. № 1. С. 104–120.

¹⁵ Ильин Е.П. Дифференциальная психофизиология мужчины и женщины. СПб., 2002. С. 81.

¹⁶ Wolfenstein M. Children’s humour: A psychological analysis. Glencoe, 1954. P. 161–168.

¹⁷ McGhee P.E. Cognitive development and children’s comprehension of humor // Child Development. 1971. № 42. P. 733–744.

¹⁸ Provine R.R. Laughter punctuates speech: linguistic, social and gender contexts of laughter // Ethology. 1995. P. 291–298.

¹⁹ Provine R.R. Yawns, laughs, smiles, tickles, and talking: naturalistic and laboratory studies of facial action and social communication // The psychology of facial expression / Ed. J. Russel, J.M. Fernandez-Dols. Cambridge, 1997. P. 158–175.

²⁰ Grammer K., Eibl-Eibesfeldt I. Op. cit.

²¹ Walle A. Getting picked up without being put down: Jokes and the bar rush // Jour. of the folklore institute. 1976. № 13. P. 201–217.

- ²² Grammer K., Eibl-Eibesfeldt I. Op. cit.
- ²³ Coser R.L. Laughter among colleagues // *Psychiatry*. 1984. № 23. P. 81–95.
- ²⁴ Apte M.L. Humor and laughter: An anthropological approach. N.Y., 1985.
- ²⁵ McGhee P.E. Development of the creative aspects of humor // *Children's Humor* / Ed. P.E. McGhee, A.J. Chapman. N.Y., 1980. P. 119–139.
- ²⁶ Барон П., Ричардсон Д. Указ. соч. С. 318; Козинцев А.Г., Бутовская М.Л. О происхождении...; Они же. На пороге юмора; Бутовская М., Козинцев А. Sexual Dimorphism and the Evolution of Gender Stereotypes in Man: A Sociobiological Perspective // *The Darwinian Heritage and Sociobiology* / Ed. J.M. van der Dennen, D. Smillie, D.R. Wilson. L., 1999. P. 261–272.
- ²⁷ Linstead S. Structure of Verbal Jokes and Comprehension in Young Children's Humor // *International Jour. of Humor Research*. 1985. Vol. 5. P. 149–164.
- ²⁸ McGhee P.E. Op. cit.
- ²⁹ Мухина В.П. Детские рисунки. М., 1965; Романова Е.С., Потемкина О.Ф. Графические методы в психологической диагностике. М., 1991.
- ³⁰ Венгер Л.А., Мухина В.П. Психология. М., 1988. С. 81.
- ³¹ Выготский Л.С. Воображение и творчество в детском возрасте. М., 1991. С. 68.
- ³² Мелик-Пашиев А.А. Художественно-изобразительная одаренность // *Психология одаренности детей и подростков: Учеб. пособие* / Под ред. Н.С. Лейтеса. М., 1996. С. 112.
- ³³ Изард К. Указ. соч.; McGhee P.E. Op. cit.
- ³⁴ Chapman A.J., Smith J., Foot H.C. Humor, laughter and social interaction // *Children's Humor*. P. 141–179.
- ³⁵ Provine R.R. Op. cit.
- ³⁶ McGhee P.E. Op. cit.
- ³⁷ Артемова О.Ю., Бутовская М.Л. Дети Калмыкии: труды и игры // *ЭО*. 2000. № 3. С. 30–45; Бутовская М.Л., Артемова О.Ю., Арсенина О.И. Указ. соч.
- ³⁸ Мухина В.П. Указ. соч. С. 57.
- ³⁹ Выготский Л.С. История развития высших психических функций // *Выготский Л.С. Собр. соч.* в 6 т. Т. 3. М., 1982. С. 5–328.
- ⁴⁰ Бутовская М.Л., Козинцев А.Г. Op. cit.
- ⁴¹ Бутовская М.Л. Указ. соч.; Getzels J.W., Jackson P.W. Creativity and intelligence. N.Y., 1962.
- ⁴² Zillman D. Humor and communication: introduction // *It's a funny thing. Humor*. P. 291–301; Omark D.R., Omark M., Edelman M. Formation of dominance hierarchies in young children: attention perception // *Psychological Anthropology* / Ed. T. Williams. The Hague, 1975. P. 289–314.
- ⁴³ Козинцев А.Г. Указ. соч.
- ⁴⁴ Dworkin E.S., Efran J.S. The angered: Their susceptibility to varieties of humor // *Jour. of Personality and Social Psychology*. 1967. Vol. 6. P. 233–236.
- ⁴⁵ McGhee P.E. Sex differences in children's humor // *Jour. of Communication*. 26. 1976. P. 176–189.
- ⁴⁶ Omark D.R., Omark M., Edelman M. Op. cit.
- ⁴⁷ Zillman D. Op. cit.
- ⁴⁸ Бутовская М.Л., Артемова О.Ю., Арсенина О.И. Указ. соч.
- ⁴⁹ Бутовская М., Demianovitsch A. Social Competence and Behavior Evaluation (SCBE–30) and Socialization Values (SVQ): Russian Children Ages 3 to 6 // *Early Education and Development*. 2002. Vol. 13. № 2. P.153–171; LaFreniere P., Masataka N., Бутовская М., Chen Q., Dessen M.A., Atwanger K., Schreiner S., Montirosso R., Frigerio A. Cross-Cultural Analysis of Social Competence and Behavior Problems in Preschoolers // *Ibid*. P. 133–139.
- ⁵⁰ Крайз Г. Психология развития. СПб., 2001. С. 536.
- ⁵¹ Smith P.K., Boulton M. Rough-and-tumble play, aggression and dominance: perception and behaviour in children's encounters // *Human development*. Vol. 33. 1990. P. 271–282; Бутовская М.Л., Артемова О.Ю., Арсенина О.И. Указ. соч.; Артемова О.Ю., Бутовская М.Л. Указ. соч.
- ⁵² Ильин Е.П. Указ. соч. С. 168.

M.L. Butovskaya, V.V. Dorfman. Age and Gender Differences in Perception of Funny and Sad in Children on the Data of Drawing Tests

Sorrow and laughter are among the first experiences in children since the age of several months. Both emotions play an important part in human social adaptation and one's success in a group. The adequacy in experiencing both funny and sad situations is extremely important for social success of schoolchildren. The authors have analyzed 776 drawings and come to conclusion that by the age of 12 years practically all children develop precise understanding of the funny and the sad. However, the understanding by girls and boys of the funny differ in a number of important aspects (emotional, situational etc.), whereas the understanding of the sad are similar. This finding indicates that different gender models of social adaptation operate in social life of a child.